

УДК 347.9

*Т.П. Евсеенко, С.В. Копылов***ИНСТИТУТ АДВОКАТУРЫ КАК ОСНОВНОЙ ПРАВООЗАЩИТНЫЙ ИНСТИТУТ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Статья посвящена проблеме правозащитных институтов в Российской Федерации. Многие некоммерческие организации в России априори считаются правозащитными, не являясь таковыми по сути. Авторы, анализируя деятельность некоммерческих организаций в России, приходят к выводу о необоснованности статуса данных организаций как правозащитных, связывая это с неправильным толкованием самого понятия *правозащита*, с искажением его фактического содержания. В то же время констатируется незаслуженно заниженная в настоящее время роль адвокатуры в Российской Федерации в силу отсутствия законодательного признания адвокатуры основным правозащитным институтом страны. В статье обосновывается необходимость повышения статуса института адвокатуры через переосмысление его роли как основного правозащитного института и необходимость изменения законодательной базы, регламентирующей эти правоотношения.

Ключевые слова: адвокатура, правозащитные институты, правозащитная деятельность, Конституция РФ, правовая реформа, права человека, квалифицированная юридическая помощь, качество юридической помощи.

За свою более чем тысячелетнюю историю российская государственность неоднократно реформировалась. Можно вспомнить реформы московских царей XVI и XVII вв. и российских императоров XVIII–XIX столетий. Революционные преобразования XX в. также сопровождалась многочисленными и разнообразными реформами. Не стала исключением и современная эпоха рубежа XX и XXI вв. Реформы могли быть как успешными, так и неудачными. Ярким примером последних могут служить горбачёвские реформы, которые в итоге привели к катастрофическим последствиям – полному разрушению «реформируемой» государственности. Вряд ли поэтому сегодня нужно доказывать кому-либо, что недопущение подобных провалов в будущем может быть обеспечено только серьёзным изучением деятельности реформаторов минувших эпох.

Представляется, что одними из главных причин неудач реформаторов прошлого была поспешность и непродуманность проведения реформ. Они зачастую проводились без всестороннего предварительного рассмотрения возможных последствий, наспех, беспланово, часто являлись просто спонтанной реакцией на вызовы времени. А в результате оказывались половинчатыми и не достигали поставленных целей, несмотря на то что и государство, и общество были к ним вполне подготовлены, а их необходимость не вызывала у современников никаких сомнений.

По нашему мнению, к числу подобных реформ, страдающих теми же самыми недостатками, относится, к сожалению, и правовая реформа в современной России.

Необдуманность и рефлексорность при начале её проведения привели к неудовлетворительному результату. Реформа, по своей сути задумывавшаяся как правовая, превратилась в судебную, но даже в таком виде она не была завершена и требует постоянной коррекции в своих основополагающих критериях¹. Видение данной проблемы наиболее ярко и ёмко было изложено Председателем Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькиным. Он, в частности, утверждает: «Если говорить кратко и образно, для меня правовая реформа – это создание системных предпосылок для того, чтобы наша Россия, наконец, “взяла правовой барьер”». То есть полностью состоялась как правовое и одновременно социально справедливое государство <...> Скажу больше: на мой взгляд, если не форсировать в стране правовую реформу, то и все остальные реформы <...> с очень большой вероятностью начнут буксовать. И очень скоро. Развитие реформ в России за прошедшие 10 лет после принятия Конституции РФ 1993г. говорит о том, что мы сможем преодолеть отставание от ведущих стран мира, только используя право как серьёзный ресурс развития России, встраиваясь в общемировые стандарты правового поведения. <...> По сути дела, в истории России государство никогда не выдвигало концепции или программы правовой реформы. Всё, что делалось в разные исторические периоды, сводилось в основном к судебной реформе, которая хотя и является сердцевинной правовой

¹ См.: Клеандров М.И. Судейское сообщество: структура, организационно-правовое развитие: монография. М.: Инфра-М, 2014; Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М., 2011.

реформы, но не охватывает всех ее сторон, связанных с регулированием социальной, политической и экономической жизни»².

Итогом подобной политики явилась ситуация неурегулированности оказания правовой помощи, при которой защитой прав граждан занимается огромное количество служб, организаций, граждан и структур, при этом простой гражданин не чувствует своей правовой защищенности.

Вот как эту ситуацию описывает ведущий отечественный адвокат Г.М. Резник: «Пожалуй, ни в какой другой сфере Конституция РФ не преломилась столь курьёзно. Статья 48 Конституции гарантирует **каждому** право на получение квалифицированной юридической помощи. В действительности действует прямо противоположный принцип: каждый может оказывать квалифицированную юридическую помощь. С тех пор, как в 1998 г. отменено лицензирование юридической помощи (правовых услуг), её вправе оказывать буквально всякий, зарегистрировавшийся индивидуальным предпринимателем или создавший коммерческую организацию – психически неполноценный, страдающий алкоголизмом либо наркозависимый, неоднократно судимый – в общем, кто угодно»³.

К сожалению, сложившееся положение полностью отражает те критерии, которые с самого начала закладывались в основу реформы. В частности, в Концепции судебной реформы в РСФСР указывалось, что не нужно преграждать путь в судебные залы юристам, не входящим в коллегии и желающим практиковать вне их рядов. Поле деятельности по оказанию юридической помощи населению столь обширно, а монополия в любой сфере столь губительна, что не следует использовать иные рычаги, помимо конкуренции, для установления преимуществ услуг адвокатуры перед правовыми услугами, которые берутся оказывать юридические фирмы, кооперативы, индивидуально практикующие консультанты-юристы. Соревнование их с традиционными коллегиями адвокатов пойдет на пользу обеим сторонам и обществу в целом⁴.

В результате были нарушены основополагающие нормы Конституции Российской Федерации⁵, которые **«гарантируют каждому право на получение квалифицированной юридической помощи»** (выделено нами. – Т.Е., С.К.), и тем самым не позволяют оказывать её всякому желающему это делать. Оказание юридических услуг любыми лицами, вне каких бы то ни было профессиональных стандартов, нарушает конституционные нормы о правовом государстве, равенстве граждан и квалифицированной юридической помощи⁶.

Как одно из наиболее значимых право на получение квалифицированной юридической помощи было закреплено в международно-правовых актах, таких как ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод ЕТS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.), ст. 14 Международного пакта от 16.12.1966 г. «О гражданских и политических правах».

В настоящее время в мировой практике существует большое разнообразие национальных институтов по содействию и защите прав человека, однако началом процесса стандартизации их деятельности и конструктивного международного сотрудничества можно считать принятие Парижских принципов⁷. Основополагающие принципы были выработаны в октябре 1991 г. на проведенном в Париже под эгидой Комиссии по правам человека ООН международном совещании представителей национальных правозащитных институтов и получили название «Парижских»⁸. Парижские принципы предусматривают наделение национальных правозащитных институтов широкими и четко сформулированными в конституционном или законодательном акте полномочиями по поощрению и защите

² Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. М.: Норма. 2007. С. 10.

³ Резник Г.М. Правовая реформа и адвокатура: сб. ст. / под ред. В.П. Мозолина; сост. П.Д. Баренбойм. Правовая Реформа в России: восемь лет спустя. М.: ЛУМ, 2013. С. 189.

⁴ Постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР». Ведомости СНД и ВС РСФСР. 31 октября 1991 г. № 44. Ст. 1435.

⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 21.07.2014 опубликован на официальном интернет-портале правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 01.08.2014; СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

⁶ Резник Г.М. Правовая реформа и адвокатура. С. 185.

⁷ Чуксина В.В. Национальные правозащитные институты в контексте взаимодействия внутригосударственных и международных механизмов защиты прав человека // Известия ИГЭА. 2011. № 4 (78). С. 159.

⁸ 10 марта 1992 г. утверждены резолюцией №1992/54 Комиссии по правам человека ООН и затем одобрены Генеральной Ассамблеей ООН, принявшей 20 декабря 1993 г. резолюцию № 48/134.

прав человека. Особенно важны такие принципы, как независимость национальных правозащитных институтов от государственной власти, открытость и транспарентность их деятельности⁹.

Однако верно и обратное утверждение о том, что в системе национального государства так называемые священные и неотъемлемые права человека лишаются всякой защиты и перестают быть реальными в тот самый момент, когда оказывается невозможным изобразить их как права граждан какого-либо государства¹⁰.

Следует подчеркнуть, что «согласно общепринятой концепции, основные обязанности по обеспечению условий для более полной реализации прав и свобод человека и их гарантий возлагаются в первую очередь на государство. В широком смысле национальную правозащитную деятельность государства можно определить как законодательную и правоприменительную практику государства в области защиты прав человека, отражающую качество (демократического) государственного управления и особенности социально-экономического и историко-культурного развития страны, ориентированную на обеспечение неделимости, взаимозависимости и универсальности прав человека. В узком смысле это система судебных и внесудебных органов и механизмов по содействию и защите прав и свобод человека и гражданина»¹¹.

Правовой вакуум и отсутствие гарантий на квалифицированную правовую (юридическую) помощь, возникшие вследствие проведения половинчатых реформ в России, привели к тому, что вместо адвокатов (юристов-профессионалов) этим стали заниматься государственные структуры и НКО¹² (в среде «правозащитников» принято пользоваться аббревиатурой НПО¹³).

К государственным правозащитным структурам можно отнести:

Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации¹⁴;

Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка¹⁵;

Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей¹⁶;

Общественную палату Российской Федерации¹⁷ и др.

Наиболее значимую роль среди них играет институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (институт омбудсмана), это связано с высоким правовым статусом данного института. Организация института омбудсмана была настолько затянута, что даже упоминание в Конституции РФ (п. «д» ч. 1 ст. 103), предусматривающее учреждение соответствующей государственной должности, придающее этому институту конституционный статус, не ускорило данного процесса. В связи с этим Парламентская ассамблея Совета Европы вынуждена была одним из условий вступления России в эту международную организацию поставить скорейшее принятие соответствующего закона. В 1996 году, вступая в Совет Европы, Россия гарантировала создание такого института. После принятия Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»¹⁸ Государственная Дума в 1998 г. впервые назначила омбудсмана Российской Федерации¹⁹.

⁹ Лукин В.П. Человек с правами. Главному правозащитному институту страны присвоен высший международный статус // Российская газета (Федеральный выпуск). 2009. 21 янв.

¹⁰ Агамбен Дж. Ното сасег. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. С. 161-162.

¹¹ Чуксина В.В. Указ.соч. С. 158-159.

¹² Некоммерческая организация (НКО) – это организация, не имеющая в качестве основной цели своей деятельности извлечение прибыли и не распределяющая полученную прибыль между участниками. Создается для оказания услуг в социальной, благотворительной, культурной, образовательной областях, а также для защиты прав граждан и организаций, оказания юридической помощи и др.

¹³ НПО – неправительственные организации.

¹⁴ Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.

¹⁵ Указ Президента РФ от 1 сентября 2009г. № 986 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка» // СЗ РФ. 2009. № 36. Ст. 4312.

¹⁶ Указ Президента РФ от 22 июня 2012г. № 879 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей» // СЗ РФ. 2012. № 26. Ст. 3509

¹⁷ Федеральный закон от 4 апреля 2005г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» // Российская газета (Федеральный выпуск). 2005. 7 апр.

¹⁸ Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ (ред. от 28.12.2010) «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // СЗ Российской Федерации. 1997. № 9. Ст. 1011.

¹⁹ Лукин В.П. Человек с правами. Главному правозащитному институту страны присвоен высший международный статус // Российская газета (Федеральный выпуск). 2009. 21 янв.

Несмотря на высокий правовой статус и огромные права, предоставленные Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации, работа его носит весьма ограниченный характер и связана в основном с мониторингом (оценкой) благополучного существования человека и обеспечения качества его жизни, измеряемых не показателями статистики, а гуманизмом и заботой о ней. Более того, открыто признается, что *«уполномоченный не супермен, он не в состоянии в одиночку в многомиллионной стране обеспечить безопасность всех граждан от нарушений их прав, свобод и законных интересов, допускаемых органами законодательной, исполнительной и судебной власти»* (выделено нами. – Т.Е., С.К.)²⁰.

Если такой уважаемый институт, имеющий многолетнюю практику работы, по сути, ограничивается мониторингом, то деятельность оставшихся государственных правозащитных структур носит, по сути, имплицитный характер²¹.

Все эти организации являются порождение государственной воли, созданы сверху, существуют в политических целях (для большинства граждан исключительно в медийном пространстве) за счет средств бюджетов (РФ и её субъектов), авторитет их невелик и сколько-нибудь существенной роли они не играют. Хотелось бы верить, что со временем что-то изменится к лучшему.

Совсем по-другому позиционируют себя некоммерческие организации, которые представляют себя как «истинных правозащитников». В связи с подобной трактовкой необходимо сделать очень важное пояснение. По нашему мнению, следует разделять НКО (НПО) на организации, через которые пытаются влиять на политические процессы (прикрываясь «защитой прав человека»), и организации, которые реально помогают людям. Последние не позиционируют себя как «правозащитники», а работают на благо людей и общества. Российское государство всячески способствует работе подобных некоммерческих организаций²².

На момент написания данной статьи активность «истинных правозащитников» резко упала, что связано с изменениями в российском законодательстве и появлением понятия «иностранный агент»²³, что затруднило финансирование из-за рубежа. Понятие «иностранный агент» было введено в российскую правовую систему Федеральным законом от 20 июля 2012 года № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента»²⁴. Согласно п. 6 ст. 2 Закона о некоммерческих организациях, под подобной некоммерческой организацией понимается российская некоммерческая организация, которая получает денежные средства и иное имущество от иностранных государств, их государственных органов, международных и иностранных организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства либо уполномоченных ими лиц и (или) от российских юридических лиц, получающих денежные средства и иное имущество от указанных источников (за исключением открытых акционерных обществ с государственным участием и их дочерних обществ) (далее - иностранные источники) и которая участвует, в том числе в интересах иностранных источников, в политической деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации.

²⁰ Лукин В.П. Указ. соч.

²¹ Имплицитный – (англ. implicit) внешне не проявляющийся, не обнаруживающийся при поверхностном наблюдении, не выраженный прямо.

²² Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 августа 2011г. № 713 «О предоставлении поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям» // СЗ РФ. 2011. № 35. Ст. 5097.

²³ На октябрь 2016г. (момент написания статьи), согласно сайту Министерства юстиции РФ (minjust.ru), в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента, входит 146 организаций. Среди них: Автономная некоммерческая организация «Юристы за конституционные права и свободы», Архангельская региональная общественная организация социально-психологической и правовой помощи лесбиянкам, геям, бисексуалам и трансгендерам (ЛГБТ) «Ракурс», Фонд в поддержку демократии «Голос», Некоммерческая организация научный фонд теоретических и прикладных исследований «Либеральная миссия», Межрегиональная общественная организация Информационно-просветительский центр «Мемориал», Межрегиональная общественная организация Правозащитный Центр «Мемориал», Международная общественная организация «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество “Мемориал”», Некоммерческая организация Фонд «Костромской центр поддержки общественных инициатив», Общероссийское общественное движение защиты прав человека «За права человека», Фонд «Центр гражданского анализа и независимых исследований “ГРАНИ”» и др.

²⁴ СЗ РФ. 2012. № 30. Ст. 4172.

Ситуация с «правозащитниками» после принятия поправок в российское законодательство стала исправляться. Уже не многие открыто стремятся получить финансы из-за рубежа, но суть и мировоззрение так называемого правозащитного движения не поменялась с конца 1970-х – начала 1990-х гг. Как и тогда, эти мнимые правозащитники являются не столько правозащитниками, сколько агентами влияния стран Запада. В их интересы входит не реальная рутинная работа по защите «мелких» ущемлений людей государством или другими лицами, например работодателями, а скандалы, вызывающие повышенное внимание публики именно к самим «правозащитникам».

Сами деятели «правозащитного движения» в качестве основных проблем НПО называют следующие:

малочисленность. Число правозащитников, представляющих движение в глазах власти и общественности, невелико. По грубым неформальным оценкам, это 3-4 ярких лидера на регион – всего по стране около 300 человек. Даже учитывая «смежные» и «несобственно правозащитные» организации, таких лидеров насчитывается не более 2 тысяч человек²⁵;

зависимость от персонального фактора. Большинство НПО развиваются как организации «сильного лидера» (или двух-трех лидеров). Многие инновации, модельные проекты, «прорывы» – заслуга отдельных лидеров, а не коллективов²⁶. Отдельные лидеры больше работают на собственный имидж, чем на правозащитную идею²⁷;

воинствующий непрофессионализм. Правозащитные НПО страдают от отсутствия профессионального менеджмента²⁸. «Ценится не профессионализм и креативность, а своеобразная форма жертвенности»²⁹ (под «жертвенностью» понимается «благотворительность»);

инертность мышления и ригидность. Правозащитное движение в немалой степени сохраняет образ правозащитной деятельности советского времени, исходившей из положения о порочности государства и несоблюдении основных прав человека³⁰. «Идейная часть» движения тоскует по подполью и, вероятно, готова в него вернуться³¹;

закрытость. Они не выходят за рамки «узкого кружка»³²;

разобщённость. Правозащитники в разных регионах не могут сравнить (специфику), так как плохо знакомы с работой в других регионах³³;

конфликт «настоящих» и «ненастоящих правозащитников». То, что часть людей приходит в правозащиту как профессионалы и что занятость в этой сфере не обусловлена для них убеждениями – «свершившийся факт». Это вызывает разное отношение внутри самого сообщества (вплоть до полного неприятия), что существенно влияет на возможности отдельных правозащитников, целых организаций и регионов к развитию и расширению правозащитной деятельности³⁴;

виртуализация. Одна из значительных внутренних проблем сообщества – обилие проектов, направленных на инфраструктурное развитие, что нередко объясняется конкуренцией за ресурсы. <...> Очень много организаций отдаёт около 90% времени тому, чтобы написать проект, и лишь оставшиеся 10% посвящаются собственно работе³⁵;

коммерциализация. «Под этим понимается: (1) встраивание правозащиты в иную деятельность организаций; (2) сужение правозащитной деятельности, переход от защиты прав человека к усилиям по соблюдению законности; (3) безынициативность, работа только в рамках конкретных обращений; (4) выполнение работ в пределах имеющихся ресурсов, под гранты и заказ; (5) профессио-

²⁵ Савортьян А.Р. Исследование эффективности работы правозащитных организаций. Благотворительность в России. 2004/2005: Исторические и социально-экономические исследования / под общ. ред. О.Л. Лейкина; сост. и науч. ред. О.Л. Лейкинд, А.В. Орлова, Г.Н. Ульянова. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005. С. 392.

²⁶ Там же. С. 393.

²⁷ Там же. С. 399.

²⁸ Там же. С.393.

²⁹ Там же. С. 403.

³⁰ Там же. С. 394.

³¹ Там же. С. 409.

³² Там же. С. 400.

³³ Там же. С. 395.

³⁴ Там же. С. 403.

³⁵ Там же. С. 404.

нализация услуг и менеджмента, вытесняющая «человеческие» и идейные мотивы работы правозащитников»³⁶;

отставание от общественных потребностей, что делает НПО малозначимым инструментом защиты прав граждан и влияния на политику³⁷.

Таким образом, можно сделать однозначный вывод о том, что «правозащитное движение» в России не способно решать задачи и исполнять ту роль, которую на себя самонадеянно взяло, более того, «большинство правозащитников не считают современное правозащитное движение влиятельным и авторитетным»³⁸.

Однако сбрасывать со счетов «правозащитников» от НКО (НПО) не стоит даже сейчас, в Российской Федерации активно действует целый ряд подобных организаций: Московская Хельсинская группа, Международное общество «Мемориал», «Фонд защиты гласности», Трансперенси Интернешнл – Р, Межрегиональное объединение общественных организаций и кризисных центров для женщин «Остановим насилие», Фонд «Общественный вердикт», Комитет «За гражданские права», «За права человека» и другие.

Анализируя понятие «правозащита» применительно к «правозащитникам» от НКО (НПО), констатируем, что «в жизни понятий рано или поздно наступает момент, когда они утрачивают свою непосредственную ясность и, подобно всякому пустому термину, могут принимать противоречивые смыслы»³⁹.

Возникает резонный вопрос: могут ли государственные структуры и НКО оказывать юридическую помощь и считаться правозащитниками? Как нам представляется, что только как дополнение к основному правозащитному институту – адвокатуре.

Институт адвокатуры является реальным (практическим) воплощением принципов правозащиты, защищая права и законные интересы доверителей, используя все законные способы и методы, наполняет практическим смыслом сам термин правозащита. Адвокатская деятельность, являясь разновидностью правозащитной, осуществляется в правовом поле адвокатами (юристами-профессионалами) с целью защиты свобод, законных прав и интересов.

Именно адвокатская деятельность является важнейшей формой реализации правозащитной деятельности, представляет собой профессиональный правозащитный институт гражданского общества, выступает гарантом профессионализма и доступности правозащиты. Правозащитная функция института адвокатуры определяется его способностью на обеспечение гарантированных российским государством правовых принципов и норм, направленных на защиту прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию.

«Только в адвокатуре существует три канона, обеспечивающие качество деятельности знатока права, оказывающего юридическую помощь неопределенному кругу лиц.

Первое. Допуск к профессии. Минимальное требование: наличие высшего юридического образования и сдача конкурсного экзамена.

Второе. Нарботанные профессиональные стандарты и этические нормы.

Третье. Контроль самоуправляемой ассоциации»⁴⁰.

Безусловно, адвокатская деятельность не охватывает деятельность правозащитную в полном объеме. Напротив, правозащитная деятельность является более широким понятием. Но именно наличие института адвокатуры делает возможным существование правозащиты как юридического понятия и как правового термина, наполняя его реальным содержанием.

Половинчатость и непродуманность судебно-правовой реформы, проводимой в России периода после распада СССР, обусловили тот факт, что она приняла перманентный характер. Хаотические изменения в процессе её проведения, влияние личностного фактора и не сбалансированность в принятии решений привели к тому, что мы снова стоим на пороге новых преобразований. Выясняется, что то, что было проведено, не отвечает общественному запросу, экономическим и политическим реалиям сегодняшнего дня. Наиболее ярко это проявилось на примере института адвокатуры. В результате проведения судебно-правовой реформы правовой статус адвокатуры был явно занижен.

³⁶ Там же. С. 404.

³⁷ Там же. С. 409.

³⁸ Там же. С. 395.

³⁹ Агамбен Дж. Ното sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. С. 104.

⁴⁰ Резник Г. М. Правовая реформа и адвокатура. С. 190.

Можно даже сказать, что был сделан шаг назад в определении роли и места адвокатуры в правовой системе государства. Адвокатура лишилась своего конституционного статуса, и её современный статус является компромиссным и во многом рестриктивным (лат. *restrictio* – ограничение), что повлекло за собой проблемы в реализации адвокатами своей правозащитной функции.

Грядущие изменения в судебной-правовой сфере должны способствовать гуманизации и демократизации права, превращению его в важнейший инструмент обновления общественных отношений и приоритетным направлением должны стать изменения в тех отраслях права, которые регламентируют деятельность института адвокатуры как основного правозащитного института.

Для исправления данного положения требуется повысить правовой статус института адвокатуры, что подразумевает:

– закрепление конституционного статуса адвокатуры через включение в Конституцию Российской Федерации отдельной статьи в главе 7 «Судебная власть и прокуратура»;

– привлечение представителей адвокатуры к участию в правотворческом процессе, наделив адвокатские структуры правом законодательной инициативы, что повысит эффективность законотворческого процесса, позволит избежать ошибок при проведении судебной-правовой реформы;

– пересмотр принципов формирования судейского корпуса, введение обязательного требования к кандидату на должность судьи – работа в адвокатуре либо других правоохранительных органах (МВД, Прокуратуре, Следственном комитете и других);

– законодательное введение «адвокатской монополии», то есть запрет для лиц, не имеющих статуса адвоката, представления интересов в суде, что, безусловно, повысит качество судебного представительства, поднимет его на новый уровень.

Обозначенные выше новации позволят институту адвокатуры в полной мере раскрыть свой потенциал как основного правозащитного института, стоящего на страже законных прав, свобод и интересов человека и гражданина, а через защиту его прав и свобод обеспечить устойчивое развитие общественных институтов и государства.

Поступила в редакцию 11.12.16

T.P. Evseenko, S.V. Kopylov

THE BAR INSTITUTE AS THE MAIN HUMAN RIGHTS INSTITUTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

This article is concerned with the problem of human rights institutions in the Russian Federation. Many non-profit organizations in Russia are illegally considered to be human rights institutions, but in fact they are not.

The paper states that the misuse of the term “defense of human rights” strains its actual meaning. It proves that the Bar status is currently undeservedly undervalued in the Russian Federation due to the lack of legal recognition of the Bar as the main human rights institution of the country. The authors show the need to raise the status of the Bar by rethinking its role and representing it as the main human rights institution, and the need to change the legal framework that regulates these legal relations.

Keywords: the Bar, human rights institutions, human rights practices, Constitution of the Russian Federation, legal reform, human rights, competent legal assistance, quality of legal assistance.

Евсеенко Тимур Петрович,
доктор юридических наук, профессор кафедры
теории и истории государства и права
E-mail: timur.evseenko@yandex.ru

Копылов Сергей Владимирович,
младший научный сотрудник
E-mail: svkopylov@mail.ru

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)

Evseenko T.P.,
Doctor of Law, Professor at Department
of the theory and history of state and law
E-mail: timur.evseenko@yandex.ru

Kopylov S.V.,
Junior research fellow
E-mail: svkopylov@mail.ru

Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034